

Маркова Екатерина Александровна

ОБРАЗ ШУТА В СТИХОТВОРЕНИИ У. Б. ЙЕЙТСА "ШУТОВСКОЙ КОЛПАК"

В статье представлен анализ одного из ранних стихотворений ирландского поэта, драматурга и писателя У. Б. Йейтса "Шутовской колпак". Основное внимание уделяется образу шута, который предвосхищает появление знаменитых поздних масок поэта - Тома Лунатика и Безумной Джейн. "Шутовской колпак" сопоставляется с другими стихотворениями книги, в которую оно входит, а также выявляются параллели между ним и поздней лирикой Йейтса. Установлено, что стихотворение "Шутовской колпак" является одной из ранних попыток поэта раскрыть характер взаимосвязей между поэтическим и непоэтическим состоянием мира, привести его к единому знаменателю, некоему идеалу, "единству бытия".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 236-239. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. Лейбов Р. РОМАН [Электронный ресурс]. URL: http://kodu.ut.ee/~roman_1/hyperfiction/index.html (дата обращения: 04.12.2017).
12. Манин Д. Вместо манифеста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.netslova.ru/teoriya/seteratura.html> (дата обращения: 04.12.2017).
13. Петренко С. Н. Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2017. 178 с.
14. Петренко С. Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2015. № 7 (92). С. 129-135.
15. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
16. Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
17. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.
18. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.
19. Четина Е. М., Ключикова Е. А. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского государственного национального исследовательского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3 (31). С. 96-104.
20. Espen J. A. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1997. 203 p.
21. FAQ: Постфольклор [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/faq/11073> (дата обращения: 04.12.2017).
22. Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности: сборник статей / отв. ред. А. С. Каргин. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007. 200 с.
23. Hayles N. K. Electronic literature: new horizons for the literary. Notre Dame: University of Notre Dame, 2008. 223 p.

STUDYING RUSSIAN NETWORK LITERATURE BY FOLKLORISTIC METHODS: PROBLEM FORMULATION

Kim Lidiya Rodionovna

*Lomonosov Moscow State University
lidakim93@gmail.com*

The article aims to broaden the methodological apparatus for studying Russian network literature. Taking into account the similarity between folkloric and Internet environment the author proposes to refer to folklorists' methodology. Special attention is paid to interdisciplinarity of the folkloristic methodological apparatus. The paper examines some folkloristic techniques and justifies their relevance for studying network literature. The author points out that the problem of boundaries between network literature and Internet folklore is still debatable.

Key words and phrases: network literature; network folklore; folklore; theory of literature.

УДК 82

В статье представлен анализ одного из ранних стихотворений ирландского поэта, драматурга и писателя У. Б. Йейтса «Шутовской колпак». Основное внимание уделяется образу шута, который предвосхищает появление знаменитых поздних масок поэта – Тома Лунатика и Безумной Джейн. «Шутовской колпак» сопоставляется с другими стихотворениями книги, в которую оно входит, а также выявляются параллели между ним и поздней лирикой Йейтса. Установлено, что стихотворение «Шутовской колпак» является одной из ранних попыток поэта раскрыть характер взаимосвязей между поэтическим и непоэтическим состоянием мира, привести его к единому знаменателю, некоему идеалу, «единству бытия».

Ключевые слова и фразы: У. Б. Йейтс; поэзия; ирландская литература; рубеж XIX-XX веков; комическое и трагическое; поэтическое и непоэтическое.

Маркова Екатерина Александровна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
glazkova1992@gmail.com*

ОБРАЗ ШУТА В СТИХОТВОРЕНИИ У. Б. ЙЕЙТСА «ШУТОВСКОЙ КОЛПАК»

В комментариях к книге «Ветер в камышах» (*The Wind Among the Reeds*, 1899), в которую входит стихотворение «Шутовской колпак» (*Cap and Bells*, 1894), его автор У. Б. Йейтс (*William Butler Yeats*, 1865-1939) написал, что ему «приснилась эта история в том самом виде, в котором он запечатлел ее» [10, p. 94]. Сопоставление комментария Йейтса и текста стихотворения «Шутовской колпак» позволяет сделать вывод о характере дистанции между «я» автора и субъектом лирического высказывания. Они максимально сближаются: как Йейтс подчеркивает объективность изображаемого, говоря о его внешнем источнике, сне, так и повествователь оказывается сторонним наблюдателем событий, описанных в стихотворении.

Наличие проблемы при определении «я» в «Шутовском колпаке» ощутимо при сопоставлении фигуры героя, о котором повествователь говорит в третьем лице, с лирическими субъектами других стихотворений сборника «Ветер в камышах». Ассоциации с некоторыми стихотворениями книги возникают сразу же, при прочтении первой строки стихотворения: она («шут вошел в сад» – “the jester walked in the garden...”) семантически перекликается с первой строкой «Песни скитальца Энгуса» (“The Song of Wandering Aengus”, 1897; «я вышел в орешниковый лес» – “I went out to the hazel wood...”). Пространственные характеристики «Шутовского колпака» и первой половины «Песни...» схожи: сад и лес становятся в этих произведениях волшебным локусом, в котором возможны чудесные превращения, преображения.

В «Песне...» процесс трансформации, который затевает герой, – символ творческого акта, а девушка – образ недостижимого абсолюта, а также вдохновения, музыки. Превращение, происходящее с шутком, иного рода, оно направлено на него самого. Герой отделяет от себя сначала «душу» (“soul”), а затем – «сердце» (“heart”), поочередно посылая их героине, «юной королеве» (“young queen”). Шут совершает эти действия, пытаясь добиться ее благосклонности, но королева отказывается от его даров, поющих души и сердца (строки 9, 20). Оба героя стремятся настичь возлюбленную, но действуют по-разному. Энгус жаждет найти героиню, поймать ее и поэтому скитается по миру в ее поисках. Шут же пытается завоевать королеву, предлагая ей дары сердца и души, а затем покидает ее, оставив ей в виде единственного дара шутовской колпак. Иными словами, движение героев направлено в разные стороны: Энгус обращает свои действия вовне (совершает творческий акт, используя силы природы; преследует возлюбленную), а шут – вовнутрь (его сила заключена в нем самом – в его душе, сердце и символе его внутреннего мира – колпаке).

Любопытно, что сам поэт увязывал образ Энгуса с фигурой шута [8, p. 358], описывая его как «вестника» Энгуса, «низшую манифестацию» ирландского мифического божества [4, p. 76].

Образ, вызывающий ассоциации с куртуазной любовью и стихотворением «Влюбленный рассказывает о розе своего сердца» (“The Lover Tells of the Rose in His Heart”, 1892), – образ цветка (строки 18, 35). «Свернутый цветок» (“folded flower”) из финальной строфы стихотворения «Шутовской колпак» напоминает розу, излюбленный символ поэтического абсолюта у Йейтса (см., напр., книгу стихотворений «Роза» (“The Rose”, 1893)).

Сходство между шутком из стихотворения «Шутовской колпак» и героями многих стихотворений книги «Ветер в камышах» не мешает установить различие между ними. Оно связано с точкой зрения (позиция, с которой ведется повествование в художественном произведении [1]), голосом, которому принадлежит лирическое высказывание. Если в стихотворениях «Влюбленный...», «Песнь...» герои, напоминающие шута из «Шутовского колпака», являются лирическими субъектами, обозначенными с помощью местоимения «я», то шут – герой, увиденный глазами повествователя и обозначенный в стихотворении как «он».

Особо следует рассмотреть в этом стихотворении образ героя-шута, восходящий к европейским традициям народного ярмарочного театра, комедии *dell'arte*. Йейтсовский шут схож с Пьеро, неудачливым влюбленным: оба они добиваются расположения возлюбленной и (по крайней мере, поначалу) оказываются ею отвергнутыми. Интерес Йейтса к образу Пьеро нельзя назвать спорадическим: в конце XIX – начале XX века он был весьма популярным персонажем современного искусства. Пьеро обращал на себя внимание как художников («Пьеро и Арлекин» П. Сезанна, 1888; «Пьеро» Л. Комера, 1884; «Объятия Пьеро» Г. Синьяка, 1895), так и поэтов и писателей (цикл стихотворений А. Жиро «Лунный Пьеро», 1884; драма «Балаганчик» А. Блока, 1906). Такую популярность этого образа можно увязать с явлением декаданса: «Ничто не отражает лучшим образом суть декаданса, чем лунатическая фигура Пьеро. Живущий в причудливом ночном мире... Пьеро выражает протест декадентов... против здорового, нормального, заурядного – словом, его фигура должна была *épater le bourgeois*» [3, p. 9].

И все же в творчество Йейтса и, например, Блока этот образ входит главным образом по иной причине. Шут (Пьеро, Арлекин) возникает у Блока в связи с драматическими событиями в личной жизни. То же происходит и с Йейтсом, раз за разом переживающим отказ Мод Гонн (*Maud Gonne*, 1866-1953). Блоковский Пьеро в «Балаганчике» ожидает встретить невесту, но вместо нее появляется некое трехликое существо (она и женщина, и смерть, а в финале оказывается картонной куклой, которая исчезает, оставляя Пьеро одиноким). И, хотя для йейтсовского шута идеал, на первый взгляд, достижим, «королева» благоволяет ему, его история оборачивается лишь сном, видением, которое рассеивается с первыми лучами солнца. У Блока любовь, как и жизнь в целом, оказывается кукольной, ненастоящей – из головы паяца льется клюквенный сок вместо крови, пейзаж в окне нарисованный, а возлюбленная картонная.

В отличие от Блока, Йейтс не рисует абсурдную картину, и все же ирония в «Шутовском колпаке» различима. Влюбленный здесь уже не божественный Энгус и не некий абстрактный герой, для которого идеальная любовь и поэзия недостижимы, но шут, вдруг оказывающийся способным снискать благоволение королевы, музыки, возлюбленной. В «Шутовском колпаке» Йейтс иронизирует над ситуацией своего типичного раннего стихотворения, в котором дистанция между влюбленным и его избранницей невелика и тем не менее чувства не взаимны. В этом стихотворении все наоборот – дистанция между героями огромна и взаимность достижима. В этом противоречии – ирония Йейтса над своим собственным творчеством, его образами и идеалами.

Здесь же – отчаяние поэта, готового отдать жизнь ради творчества. Образы роста, указывающие на интенсификацию творческого усилия, появляются во второй строфе («поднялась» – “rose”; «стала», «выросла» – “had grown”). Но уже здесь, еще до непосредственного появления королевы (музы) и ее отказа от даров (творческих усилий) поэта, начинают заявлять о себе образы падения, движения вниз. Хотя поступь королевы воспринимается героем как «тихая и легкая» (“quiet and light”), часть слова “footfall” («поступь») упреждает угасание вдохновения, отказ музы подчиняться поэту. В этом стихотворении, так же как и в стихотворении «Влюбленный...», проявляется двойственность чувств поэта по отношению к музы: с одной стороны, она источник его вдохновения, лишь с ее помощью достигим творческий абсолют (не случайно образы роста появляются именно в седьмой строке, где говорится о том, что мысли о героине вдохновляют шуту), с другой – она становится препятствием, которое поэту необходимо преодолеть, крепостью, которую ему нужно завоевать, чтобы приблизиться к познанию идеала.

Отвергнутому шуту остается лишь одно – предложить королеве последнее, что у него осталось – шутовской колпак. Неудивительно, что именно этот момент представлен прямой речью героя: отчаянный возглас поэта, оказавшегося неспособным завоевать расположение музы, измученного борьбой с нею, как бы пробиывает ткань повествования, оформляя субъектность героя. Этот возглас, точнее – принятое героем решение отдать колпак и умереть, является поворотной точкой в стихотворении. Оставив шутовской колпак, герой исчезает, и единственным действующим лицом в третьей части стихотворения (строфы 7-9) остается королева.

Именно шестая строфа стихотворения привлекает внимание большинства литературоведов [6, р. 83]. Они приводят слова самого Йейтса, заявившего, что стихотворение «Шутовской колпак» – инструкция по завоеванию женщины [7, р. 118], и интерпретируют его прямолинейно. Комментаторы не учитывают, что у Йейтса (особенно раннего) женщина всегда не только возлюбленная, но и муза. Они не принимают во внимание, насколько в сознании Йейтса были крепки связи между любовью и поэзией.

Если же видеть в королеве одновременно возлюбленную и музу, то слова поэта уже не воспринимаются исключительно как ирония. По Йейтсу, чтобы завоевать музу, чтобы добиться поэтического абсолюта, написать идеальное стихотворение, необходимо положить на ее алтарь не только все, что поэт имеет, но самое себя, свою жизнь [5, р. 216-223]. Королева остается равнодушной к герою, пока он борется с ней на равных, и становится благосклонной к нему, когда он признает свое поражение, оставляя шутовской колпак, и отправляется прочь на исходе ночи. Победа поэта – в принятии королевой всех его даров (души, разумного начала, сердца, чувственного начала, и шутовского колпака, символа безумия, инаковости поэта) и их синтезе.

Этому синтезу посвящена финальная часть стихотворения. Сначала (строфа 7) королева находит колпак шута и поет над ним «любовную песню» (“love-song”), положив его под «облако своих волос» (“cloud of her hair”), что символизирует близость к поэтическому абсолюту, ведь кудри героини напоминают розу. Как и в «Песне...», создание идеального произведения сопровождается мерцанием звезд, происходит в пред-рассветное время, в мире, находящемся на границе яви и грез.

В то же время «Шутовской колпак» – предвестник более позднего творчества Йейтса с его безумными пророками (Томом Лунатиком, Безумной Джейн, сумасшедшими стариками). Именно «безумие» этих героев определяет их особенное, пророческое видение мира и парадоксальным образом оборачивается мудростью. В стихотворениях о Безумной Джейн героиня встречает на своем пути различных людей – носителей конвенциональной мудрости. Например, в стихотворении «Безумная Джейн говорит с епископом» священнослужитель убеждает ее покинуть «грязный хлев» (“foul sty”), то есть отказаться от греховной жизни и «жить в горней обители» (“live in heavenly mansion”), обратиться к Богу. Безумная Джейн возражает епископу, высказывая свойственную позднему творчеству Йейтса мысль о неразрывности связей между высоким и низким, поэтическим и непоэтическим (“fair and foul are near of kin” – «чистота и грязь – они родня»).

Йейтс не «использует безумие своих героев, чтобы дать критическую оценку миру, в котором художественное воображение настолько скованно, что этот мир считает их безумцами» [2, р. 39], как утверждает К. Крайст. Напротив, безумие Джейн – источник ее мудрости. То же происходит с шутом – комическая фигура обращается в трагическую (герой готов умереть), низкое искусство (шутовское) становится высоким (достойным королевы).

Взаимосвязи между комическим и трагическим, которые в «Шутовском колпаке» лишь намечаются, становятся основополагающими и для другого более позднего стихотворения Йейтса – «Пасха, 1916» (*Easter, 1916*). В нем «шутовское» (“motley”) порождает трагическое, на что указывает пунктуация текста:

*Being certain that they and I
But lived where motley is worn:
All changed, changed utterly:
A terrible beauty is born* [9, р. 193-194]. /
*Будучи уверенным, что мы с ними
Живем в мире, где носят шутовские наряды:
Все изменилось, изменилось совершенно:
Рождена ужасная красота.*

Две соседние строки заканчиваются двоеточием, создавая некую двухуровневую форму. Когда покров «шутовского», обыденного, непоэтического, представленного образами первой строфы (“counter or desk” – «прилавки и столы», “grey eighteenth-century houses” – «серые дома восемнадцатого века», “polite meaningless words” – «вежливые бессмысленные слова», “mocking tale or a gibe” – «насмешливая история или острота»), срывается, мир становится свидетелем нового поэтического озарения, рождения «ужасной красоты» (“terrible beauty”), нового творческого идеала. Те же люди, которые произносили «вежливые бессмысленные слова» (среди них и поэт, лирический герой), оказываются способными породить истинное искусство, перевести мир из непоэтического состояния в поэтическое.

Таким образом, стихотворение «Шутовской колпак» становится одним из первых стихотворений Йейтса, где через комическое, шутовское раскрывается проблема взаимосвязи идеального и неидеального, поэтического и непоэтического. В интересе поэта к этой проблеме – его стремление к «единству бытия» (“Unity of Being”), которое, по Йейтсу, представляет собой абсолютно гармоничное состояние мира, достижимое путем снятия значимых оппозиций, разрушающих его цельность [7, p. 571].

Список источников

1. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.
2. Christ C. T. Victorian and Modern Poetics. Chicago (IL): University of Chicago Press, 1986. 188 p.
3. Clayton D. Pierrot in Petrograd: Commedia dell’Arte // Balagan in Twentieth-Century Russian Theatre and Drama. Montreal: MQUP, 1994. 400 p.
4. Ellmann R. The Identity of Yeats. L.: Macmillan, 1954. 343 p.
5. Kearney R. Transitions: Narratives in Modern Irish Culture. Manchester: MUP, 1988. 318 p.
6. Kline G. C. The Last Courtly Lover: Yeats and the Idea of Woman. Ann Arbor (MI): UMI Research Press, 1983. 199 p.
7. Ross D. A Critical Companion to William Butler Yeats. N. Y.: Facts on File, 2009. 673 p.
8. Williams M. Ireland’s Immortals: A History of the Gods of Irish Myth. Princeton: PUP, 2016. 608 p.
9. Yeats W. B. The Collected Poems / ed. by R. J. Finneran. L.: Macmillan, 1989. 576 p.
10. Yeats W. B. The Wind among the Reeds. L.: Elkin Mathews, 1899. 108 p.

JESTER’S IMAGE IN THE POEM “THE CAP AND BELLS” BY W. B. YEATS

Markova Ekaterina Aleksandrovna
Lomonosov Moscow State University
glazkova1992@gmail.com

The article analyzes one of the early poems of the Irish poet, dramatist and writer W. B. Yeats “The Cap and Bells”. Special attention is paid to jester’s image which anticipates the appearance of poet’s famous masks – Tom the Lunatic and Crazy Jane. “The Cap and Bells” is compared with other poems of the collection; the researcher identifies the parallels between this poem and Yeats’s late lyrics. It is shown that “The Cap and Bells” is one of the poet’s early attempts to reveal the nature of interrelations between the poetical and non-poetical state of the world, to bring it to a common denominator, a certain ideal, “Unity of Being”.

Key words and phrases: W. B. Yeats; poetry; Irish literature; turn of the XIX-XX centuries; comic and tragic; poetical and non-poetical.

УДК 8

В статье впервые рассматривается система образов, созданная Джеком Лондоном в «Северных рассказах»; в частности, выявляются и анализируются основные черты женских образов. Джек Лондон в числе очень немногих американских писателей в своих произведениях, например в «Северных рассказах», обратился к созданию целой галереи образов жительниц Арктики. В его рассказах, написанных в сложный переходный период эпохи, происходит столкновение совершенно противоположных женских типов: «новой» и викторианской женщины, «белой» женщины и женщины естественного мира.

Ключевые слова и фразы: «Северные рассказы»; Джек Лондон; художественный образ; женский образ; новая женщина; Арктика.

Соснина Марина Александровна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск
na_aivi@mail.ru

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В «СЕВЕРНЫХ РАССКАЗАХ» ДЖЕКА ЛОНДОНА

Несомненно, Джек Лондон является ярчайшим представителем американской художественной литературы. Однако, несмотря на то, что при жизни писатель был самым востребованным и самым высокооплачиваемым